

14.04.04
(ср)

Зальцман Павел

Павел ЗАЛЬЦМАН

ORDINAMENTI

Комедия

Продолжение. Начало см. "ЭС" №12, 13

Философ. А там у нее блат. Ну, она и расскажи Инне, дескать, все пристают подписаться на какую-то "Всемирку". Ей-то ни к чему, не знала, что нужно хватать. А Инна хватала. А то бы он ни в жисть таких имен не знал бы. Все Гоголь да Мериме, да Блок – так бы и жил серый.

Писатель. Да, так вот, даже об этих, второстепенных... Все-таки как-то удивительно получалось, что всех их, во-первых, печатали, а во-вторых, читали. Прямо дико подумать. И если говорить начистоту, то одно время все к этому даже привыкли. (Пожимает плечами) Нет, кроме шуток, смешно, но – факт.

Председатель. Я до сих пор не смотрел на это под таким углом.

Писатель. Так вот, мне иногда... Понимаю, что это совершенно невыполнимо... Но вы сами вынуждаете говорить о каких-то несообразных вещах...

Председатель. Чего вы все вокруг да около. Говорите прямо.

Писатель. Да нет, это вздор... Что ж говорить абсолютную чепуху!

Председатель (нетерпеливо). Ну, долго будем тянуть канитель? О чем речь? Выкладывайте.

Писатель. Не могу. Детские бредни.

Председатель (угрожающе). Знаете ли, мне это ваше меканье надоело. Я вот сейчас быстренько соображу, через что мы вас подвергнем этому самому... И если вы членораздельно не объясните, что вам нужно...

Писатель. Мне не нужно.

Председатель (набираясь терпения). Ну-ну. Только что вам было предложено высказать желания, способствующие созданию вам условий и обеспечению нормализации вашей работы. Вместо этого вы развели какую-то муть. Категорически прошу точно высказать эти желания.

Писатель. Но зачем же высказывать бессмысленные желания, идущие вразрез со всеми нормами природы и человечества?

Председатель. Я жду.

Писатель (внезапно, с издевательской улыбкой). Ну если так, пожалуйста. Я хотел бы, чтобы мои произведения публиковали.

Председатель. Что?!

Писатель (добродушно смеясь). Хороша хохма?

Председатель (изумленно). А что тут особенного? Конечно, будем публиковать.

Писатель изумленно выкатывает глаза, встает с кресла, пятитесь, оглядывается вокруг и бросается к окну. С невероятной силой он рвет за ручку оконную раму. Рама выламывается, стекло сыпется. Писатель вспрыгивает на подоконник и кричит: – А-а-а! В момент, когда он уже выбрасывается из окна, философ и художник, ринувшиеся за ним, успевают схватить его за пиджак. Они сворачивают его с подоконника и стараются удержать. Вырываясь, он бьет осколком рамы художника по голове, художник падает. Писатель остолбенел. Общее молчание.

Писатель. Ну, теперь вяжите меня.

Председатель. Да, вяжите его.

Скидывает пиджак, снимает подтяжки и протягивает их философу. Философ связывает писателя. Председатель некоторое время стоит, поддерживая брюки, потом садится.

Председатель. Ну! Совершенно дикий человек. Что с ним?

Философ подводит связанного писателя к креслу и усаживает.

Философ. Вы его сильно испугали. Осторожнее надо.

Председатель. А тот что?

Философ. Обмер.

Председатель. Придется вызвать скорую помощь. (Нажимает кнопку звонка. Молчание. Опять нажимает. Молчание). Что такое?

Философ. Это вы секретарше? Так ведь ее наверняка нет.

Председатель. Куда же она могла деваться?

Философ. Забыли? Она скорее всего с этим поэтом куда-нибудь утrophала. Может, на базар, может – просто так.

Председатель. Ах да. Ладно, я сам (Набирает номер) Скорая? Прошу... Социалистический семьдесят четыре. Квартира? Особняк. Ага. Травма. Рамой. Да, оконной. Лет? Неизвестно...

Философ (подсказывает). Сорок шесть.

Председатель. Шестидесят четыре. Ждем. (Вешает трубку) А может, он сам очнется?

Писатель (все время сидел, опустив лицо в связанные руки. Поднимает голову). Ну да, очнется... Я его так ахнул...

Стук в дверь.
Председатель. Пожалуйста! Входит женщина-врач скорой помощи, за ней медсестра Верочка с бюксом.
Врач. Что тут у вас?
Философ (показывает). Да вот.
Врач. Что с ним?
Философ. Неизвестно.
Врач. А почему он на полу?
Философ. Упал на пол, потому и на полу.
Врач. Безобразие какое. Надо было переложить его на диван.
Философ. Нет дивана.
Врач. Тогда давайте положим его на стол.
Философ. Ну, уж так сразу и на стол. Он еще ничего.
Врач. Дышит?
Философ. Скорее всего дышит.
Врач. Вот мы сейчас положим его на стол...
Председатель (делая попытку подняться, поддерживает брюки). Все-таки как-то неудобно. Тут у меня заседание, совещание на высшем уровне. А он в обуви.
Врач. Сейчас я его посмотрю. Вот положим его на стол...
Философ. Некому его класть. Я один его не подниму.
Врач. Но тут вас трое мужчин.
Философ (показывая на писателя). Он не может, видите, он связан.
Врач. А вот этот?
Председатель. Я тоже не могу, на нем мои подтяжки.
Врач. Боже мой! Что же делать? (Садится в кресло). И вот так с утра до ночи. Работа, работа, вызовы. Вот проезжали, у вас тут наискосок магазин, колбасу дают. Так не поверите – времени нет. И очередь такая совсем маленькая... (подумав), небольшая. И вот, поверьте, нет времени. А после работы где ее достанешь? Бегаешь, бегаешь... Верочка, сделайте ему укол.
Верочка (вынимает из бюкса инструмент). А где у вас прокипятить шприц?
Философ. Очевидно, нигде.
Верочка. Вообще-то он кипяченый.
Философ. Ну и колите.
Врач. В самом деле, Верочка, колите. (Верочка колит) Ну вот, хорошо. Теперь ему будет лучше. Может, измерить давление?
Философ. Это можно.

Врач. Верочка, давайте измерим ему давление. (Поднимается и подходит к художнику). Ох, боже, как неудобно! Вы не можете положить его на стол?
Философ (неохотно). Я ведь вам уже объяснял. На столе, вы видите, телефон и чернильница. Да ему и так хорошо.
Врач (раздраженно). Ему-то хорошо, а мне как? Что ж мне, на корточках возле него сидеть?
Философ. Зачем же на корточках? Вы на коленки станьте и припадите к нему.
Врач. Нет, припадать неудобно. Может, измерить этому, который у вас связан?
Философ. Это тоже можно.
Врач (измеряет давление писателю). Ну, теперь ему будет лучше. А сейчас уже, наверное, народу набегало...
Верочка. Я думаю! Дураков нет.
Врач (отходит от писателя и садится в кресло). Ну как, Верочка, пришел в себя?
Верочка. Еще нет.
Врач. Стимулируйте его.
Верочка (обращаясь к председателю). У вас тут радио есть?
Врач. А что сейчас? Может быть, что-нибудь не то. Лучше пионерскую. Включите реаниматор.
Верочка вынимает из бюкса магнитофон и включает. Жизнерадостный женский голос: "Здравствуйте, ребята! Передаем "Пионерскую зорьку!". Музыка.
Врач. Ну, как?
Верочка. Все отлично. Дышит.
Врач. Ну, сейчас ему будет лучше.
Верочка (подходит к окну, выглядывает). Уже на улице стоят. Набежали. Ну их и развелось! (Оборачивается) Что бы вам, мальчики, пострелять эту очередь из автоматов. А мы бы колбасу получили.
Врач (торопливо). Да-да, сейчас ему нужен покой. Вы тут положите его на стол... Поехали, до свиданья.
Все: До свиданья, доктор, большое спасибо.
Врач и сестра быстро уходят.
Председатель. А что же теперь с ним делать?
Философ. Ничего не нужно делать, тем более что он спит и видит сон.

Квартира художника, еще светлый вечер.

Художник лежит на топчане, закинув руки за голову.

Художник. И с чего бы им прийти. Не придут. Странная встреча. Значит, так. Я шел за сигаретами в это паскудное кафе, там иногда удается достать "Ту" или "Родопа". Я увидел двух красивых девчонок, но не подошел и не заговорил. И вот, когда я сворачивал за угол, встретил опять этих двух. Я, собственно, не узнал бы их, но они как-то сразу очутились прямо перед носом и сами поздоровались. И очень бойко. Я и не мечтал о натуре, ведь я кончал "Купальщицу" так, из головы. А это было бы хорошо. Я не очень надеялся, но, слыша их щебетание, решился. И вдруг они согласились. Обещали. Но ведь это маловероятно.

Звонок. Художник встает и открывает дверь. Две девушки, темная и светлая, шумно входят.

Художник. Только туфли не снимайте, у меня грязно.

Девушки. А мы потом помоемся. Нам так лучше, а то жарко.

Художник. Очень кстати. Вам придется немало раздеться.

Темная. Раздеться? Зачем?

Художник. Видите ли, после того как я кончил "Купальщицу", я начал вторую вещь. И хотел бы немного проверить. Нужны руки, плечи, пониже... Я вам дам что-нибудь накинуть.

Светлая. Что же это? Вам будет забавнее раздевать нас постепенно?

Художник. Вам тоже?

Светлая. Пожалуй.

Художник. О чем вы? Я право же, не представляю, что это может быть... И именно вы? Вы?

Светлая. Посмотрим.

Философ (председателю. Их комментарии к происходящему и сейчас, и в дальнейшем ведутся шепотом). Видите, что делается во сне. Наяву люди так не говорят, пожалуй, даже не думают. Разве только кусочки мыслей выскакивают на поверхность, но на такой короткий срок, что вряд ли их можно как следует ухватить.

Одна из девушек, темная, стоит. На ней только кусок цветной материи вокруг бедер. Другая – светлая, лежит на топчане и читает какие-то стихи. Она еще одета. Художник рисует.

Художник (темной). Ну, вы устали, отдышайте. (Обращается к светлой) Теперь ваша очередь. Идите в ту комнату, там раздевайтесь.

Светлая встает и уходит. Темная заваливается на топчан.

Художник (про себя). Что же? Смотреть туда, на дверь – когда она появится? Увидеть сразу или протянуть? Вообще, я не очень уверен, что смогу писать как с той. Там дело простое – вот уже начато основательно. Это как обычно – быстро переключаешься и пишешь кусок за куском, как если бы перед тобой стоял кувшин или подсвечник. Ну, не совсем так, почти. А сейчас? Нет, не смотреть на дверь. Значит, я потеряю несколько ее первых шагов. А потом буду грызть себя, что потерял. Но ведь это идиотство. Как будто она – только эти первые три – четыре шага. И ведь всего остального все равно у меня нет и не может быть. Да уж бог с ним, попытаюсь что-нибудь сделать. Во всяком случае надо притвориться, не к чему их конфузить. Но даже эта малость – увидеть ее – это невероятно! Ведь она такая красивая и чужая. Кроме того, она совсем не дура, думаю, просто умница. Вдруг этот ее на смешливый хохоток, когда она слушала меня. Иногда удивленный недоверчивый взгляд. Она понимала. Да, я мельком оглядывал ее, но как и других. Но думать о том, как сейчас, что через минуту увижу ее – даже и представить не мог – так далеко, так невозможно! В комнате темно, совсем тихо... Она раздевается? Сейчас...

Философ. Странная встреча, не правда ли? Они выходят из кафе – были за сигаретами, а он идет туда – за сигаретами, и они сталкиваются. Заметьте, что живут обе далеко и в этом районе вообще не бывают. А главное – они приехали на один месяц, и именно в это время этот тип оказался совершенно один.

Председатель (подозрительно). Что вы хотите этим сказать?

Философ. А ровно ничего. Цепь случайностей, как их называют, на самом деле совершенно непререкаемых и обязательных с позиций детерминизма. Видите ли, трудно сказать, чего больше в некоторых интерпретациях этого бедного детерминизма, под лозунгом "необходимость и случайность" – безграмотности или жульничества. Скорее всего, это искренняя концепция недоумков. Если мир, как вы сами понимаете, монистичен, то, кроме закономерностей, ничего нет. И тогда стоит только построить подробный макет...

Председатель. А вы знаете, это мне нравится, у вас приятная концепция. Я убежден, что у нас с вами дело пойдет.

Философ. Конечно, если строить макет, по-прежнему и светла-